

Последнее яйцо с тарелки сгнуло в пасти гигантского змея. Посмотрев на сытого, разнежившегося властелина — тому разве что зубочистки в пасти не хватало, — Цин Шу оперся локтями о колени и неторопливо поднялся. Наблюдение окончено.

Моменты, когда чешуйчатый исполин поглощал пищу, были для Цин Шу единственным временем, когда он мог чувствовать себя хоть в какой-то безопасности.

И вчера, когда он помогал разрывать упаковку с сушеной говядиной, и сегодня, пока змей заглатывал яйца, Цин Шу осмеливался прикоснуться к нему только потому, что пасть твари была занята, а сама она не проявляла агрессии.

В скромном багаже познаний Цин Шу о рептилиях числилось главное: удавы и питоны убивают жертву душением. Они обвивают добычу кольцами, сжимают всё сильнее, пока та не задохнется. В процессе, наверное, можно услышать, как кость за костью с хрустом превращается в месиво твоего собственного тела.

Цин Шу с трудом мог представить, как вырваться, если эта тварь решит его обвить. Едва прикоснувшись к ней, он четко ощутил, какая сокрушительная, дикая мощь таится под этой чешуей.

Он-то думал, что гладит упругий резиновый мяч, а наткнулся на монолит, накачанный плотной мускулатурой. Каждая мышца, каждый щиток чешуи были натянуты, словно готовая разрядиться пружина. Это внушало липкий, первобытный ужас.

Даже сохраняя дистанцию и не подпуская чешуйчатое тело к себе, нельзя было рассчитывать на полную безопасность. Первая фаза змеиной атаки — молниеносный бросок и мертвая хватка. Цин Шу даже экспериментировать не требовалось, чтобы понять: последствия змеиного укуса будут ничуть не милосерднее, чем если бы от него решил оторвать кусок плоти матерый тигр или лев.

Лишь когда чешуйчатый исполин, вальяжно изгибая длинное тело, уполз обратно в комнату юноши, Цин Шу решился выйти из спальни.

Пока змей хозяйничал снаружи, Цин Шу делал вид, будто невероятно занят у себя: шуршал, протирал пыль по углам, то и дело проверял крепления дверного замка. Попробуй гад сунуться к нему — дверь заперлась бы наглухо, и пусть хоть сам небесный владыка стучит, хрен бы он ее открыл.

К счастью, события развивались по лучшему сценарию.

Цин Шу быстренько прибрал тарелку и кухонную утварь. Выключив свет, он вышел с кухни, вытирая влажные руки, и при виде темных полос, испещривших пол, невольно вздохнул.

Вспомнив, что после поглаживаний змея оперся руками о собственные колени, он опустил взгляд. Так и есть: на светло-серых спортивных штанах красовались четкие черные отпечатки...

Грязный змей!

Приняв душ и развесив выстиранные вещи на балконе, Цин Шу добрался до кровати уже в полночь.

Новый день вступил в свои права.

Вымотанный физически и морально, Цин Шу провалился в сон едва сомкнул веки. Понятное дело, во время общения со змеем он держался внешне спокойно, но подсознательный страх никуда не делся. Влечение любопытства на время приглушило ужас, однако стояло телу расслабиться, как зажатые эмоции вырвались наружу сокрушительным рикошетом.

Ему приснился кошмар.

Это была современная городская версия фильма-катастрофы про гигантских анаконд. Посередине сновидения Цин Шу еще плохо соображал, что происходит, лишь фиксировал грязно-белесый тонаж окружения — вылитый зимний пекинский смог.

Он стоял на мокром черном асфальте среди паникующей толпы и вместе со всеми смотрел на горизонт, где бетонированные улицы смыкались с небом.

Там, снося небесный купол, на город обрушилась змеиная голова. Она была настолько исполинской, что не поддавалась описанию.

Горизонт треснул, словно холст старой картины. Разрыв расплзался всё шире, пока гигантская туша пробивала себе путь в этот мир. Все, чей путь перерезало это чудовище — проезжавшие автомобили, высотные здания, — рушилось и крошилось, словно детские кубики.

Паника среди людей вспыхнула подобно чуме. Прохожие метались без разбора, кто-то больно задел Цин Шу плечом, у самых его ног рухнул на асфальт споткнувшийся человек.

Оцепенение спало, и Цин Шу подчинился общему порыву — побежал.

Исполинский змей вырвался из невидимых оков, накрыв тушей городские кварталы, словно рыба, вернувшаяся в родную стихию. Он двигался с невероятной скоростью. Цин Шу бежал так, что перед глазами заплескали кровавые мушки, а легкие жгло от нехватки кислорода, но

расстояние между ним и тварью сокращалось быстро, словно догорающий фитиль.

«Это просто сон...»

Эта мысль метеором пронеслась в туманном сознании.

Однако тело повиновалось инстинкту выживания и продолжало нестись вперед. Когда гигантская пасть, неся с собой вонь гнилой воды и бездны, уже заносилась над его спиной, Цин Шу захлестнули два чувства: облегчение от скорого пробуждения и леденящее, животное отчаяние перед ликом смерти.

Внезапно мир вокруг замер, перейдя в режим замедленной съемки. Осколки рушащегося небоскреба зависли в воздухе, мысли Цин Шу очистились до звонкой пустоты. Свои застывшие в беге руки он ощущал так, будто замер в этой позе на долгие вечности.

— Хм?

Голос раздался будто повсюду сразу — и с поднебесья, и из самого воздуха.

— Я-то гадал, с чего бы в этом мире кому-то видеть меня во сне. А это ты, паршивец... Что ж, тогда не удивляет.

Мир вокруг оставался парализованным, но Цин Шу почувствовал, что оцепенение спало с его мыслей. Он попробовал шевельнуться и понял, что если не бежать бездумно, то может свободно двигаться.

Цин Шу повернул голову к самому аномальному объекту в этом сновидении.

Гигантский змей, мгновение назад готовый сожрать его, обрел отчетливые черты. В ледяных золотых зрачках светилась знакомая насмешливая зловещность. Увеличенная в тысячи раз морда расплылась в злорадной ухмылке.

— Ты... грязный змей из соседней комнаты, — пробормотал Цин Шу и, немного подумав, присел на близлежащий обломок стены.

— Какая наглость! Смеешь порочить меня прямо мне в лицо?

Цин Шу озадаченно нахмурился:

— Но это мой сон. И тебя породила моя фантазия... Неужели в глубине души я жажду, чтобы со мной так обращались? — От этой мысли ему стало не по себе. — Неужели я мазохист?..

— Вовсе нет. Твой кошмар закончился в ту секунду, когда я на тебя напал.

Цин Шу не успел опомниться, как декорации сменились. Руины разрушенного мегаполиса испарились.

Теперь он стоял на вершине заброшенной высокой башни. Из-за скудного освещения под куполом царил полумрак, а в глубоких трещинах на каменной кладке пробивалась сухая трава.

Змей сменил облик вместе со сценой. Его туша, только что заслонявшая небо, сжалась до размеров, уместившихся на верхней площадке башни. Взгляд Цин Шу метнулся к тени возле входа — интуиция подсказывала, что чешуйчатый находится именно там.

— А твой сон забавен.

Черная тень в углу закипела, словно кипятки в котле, и вытянулась в силуэт. Сначала проявлялся змеиный контур, но когда существо шагнуло из мрака, из тьмы показалась бледная, человеческая мужская нога.

Цин Шу застыл с каменным лицом. С одной стороны, внутренний голос яростно клеймил его извращенцем за то, что в его снах соседский змей превращается в обнаженного мужика. С другой — реалистичность происходящего заставляла усомниться в природе сна.

Обычный человек, сталкиваясь во сне с ужасом, просыпается. А если и остается внутри кошмара, то уж точно не переходит от панического бегства к хладнокровному анализу.

Сейчас же мозг Цин Шу работал с такой четкостью, будто он прямо во сне писал код.

Это было абсолютно ненормально.

Силуэт щелкнул пальцами, и на нем мгновенно оказалась знакомая белая рубашка.

— Одолжил с твоего балкона. Надеюсь, ты не против, если я оденусь для нашего разговора?

Раз уж натянул, требовать снять ее Цин Шу точно не собирался. К тому же, даже сквозь клубы тьмы угадывалось: этот молодой господин Змей секунду назад был абсолютно голым.

Оставив тему одежды, Цин Шу прямо посмотрел на гостя, хозяйничавшего в его разуме:

— Кто ты вообще такой?

— Я? — Человек-змея неспешно прошёл мимо Цин Шу. Белая рубашка висела на нем свободно,

распахнутые полы при каждом шаге похлопывали по бедрам.

Похоже, он еще не привык пользоваться человеческими ногами: шаги выходили неровными, с разным нажатием. Из района копчика выбивался гибкий хвост, помогавший удерживать равновесие.

Цин Шу зацепился взглядом за этот хвост и обомлел. Цвет был совсем не тот, к которому он привык.

Его хвост был не просто черным. Это была бездонная, удушливая тьма, не отражавшая свет — словно кусочек космической черной дыры, переливавшийся в полумраке едва заметным гляncем.

Змей вальяжно уселся на подоконник стрельчатого окна, вырвал травинку из каменной щели и увлеченно закрутил её в пальцах:

— А твой сон забавен. Жаль, я не силен в сонниках, глубокого смысла не разгляжу.

Он небрежно швырнул стебелек вниз. Тот мгновенно растворился в бескрайнем зеленом океане крон деревьев, бушующем далеко внизу.

Цин Шу от этого жеста невольно сжал кулаки, провожая травинку взглядом. Однако бушующее внизу море зелени подействовало на него странно — успокаивающе.

— В реальности я тебя и пальцем не тронул. А ты в своих фантазиях рисуешь, как змея охотится за твоей тушкой. Наверное, я слишком милосерден, раз не удовлетворил твои тайные мазохистские желания...

Змей подтянул колено к груди, обнял его рукой и прилег на него щекой. В золотых глазах полыхнул нескрываемый азарт:

— Ты ведь меня боишься. Так зачем выстроил эту башню и запер нас обоих внутри? Чтобы защитить свой город от разрушения или просто хотел создать уютное местечко для беседы?

Цин Шу понятия не имел. В толковании снов он разбирался не лучше собеседника. Но позволять этой твари крутить собой дальше он не намеревался:

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Хочешь знать, кто я? — переспросил Змей и тихо расхохотался. В его золотых зрачках заплясало искреннее злое удовлетворение. — Да даже если скажу — ты всё равно ничего не вспомнишь.

— Это еще почему? — насупился Цин Шу, а затем, не вынеся чужого превосходства, добавил:
— Всё равно говори. Я хочу знать. Хотя бы прямо сейчас.

Змей пристально взгляделся в него, словно взвешивая, что веселее: дать человеку ответ и наблюдать за его беспомощностью перед неизбежным забвением или до конца мучить его неведение.

— У меня в холодильнике еще килограмм свиной грудинки и полпачки куриных ножек, — негромко произнес Цин Шу.

Кончик черного хвоста, свисавший с подоконника, мгновенно вильнул.

— Хм. Ну, раз так... слушай.

Змей не стал тянуть резину и выложил всё напрямую:

— В месте, где я родился, мой номер — 404. Я проник в твой сон только потому, что этот кошмар родился из твоего страха передо мной. Тот гигантский змей — лишь слепок твоих представлений, моя проекция. Схватившись за эту нить, я вошел сюда, а значит, этот фрагмент сна подлежит немедленной коррекции. Как только ты проснешься, сработает автоматическое исправление, и ты всё забудешь.

Вот оно что. Хоть чешуйчатый и обошел стороной детали своего происхождения, главную загадку он раскрыл. Правда, этот номер... У Цин Шу дернулся глаз. У него, как у IT-шника, развился устойчивый посттравматический синдром на любые упоминания ошибок, падений серверов и багов.

За окном башни хмурое небо наливалось рассветным светом. Цин Шу почувствовал, как мысли снова наливаются свинцовой тяжестью — верный признак скорого пробуждения.

Змей тоже это заметил и ехидно ухмыльнулся, словно наслаждаясь тем, что Цин Шу всё забудет, а он — сохранит каждую деталь.

Вот ведь дурачина... Цин Шу мысленно вздохнул. Ему даже стало жалко обещанных куриных ножек. Ладно уж, что с этого чешуйчатого ребенка взять?

— В следующий раз, когда захочешь есть, приноси тарелку в зубах. Поверь, шансов получить еду будет куда больше, чем если ты продолжишь пугать меня в дверях.

Разлившийся рассвет затопил большую часть мира сновидений. Тень и черная дымка рассеялись, и Цин Шу впервые четко разглядел лицо Змея. Он был невероятно красив — словно создатель с особым трепетом вытачивал каждую черту его лица.

Золотые глаза смотрели на него без малейшего намека на человеческие эмоции — холодно и отрешенно. Губы Змея не шевелились, но голос прогремел со всех сторон, отозвавшись в самом сознании:

— Эй, парень. По знакомству дам тебе один совет. Скоро с тобой произойдет...

Цин Шу распахнул глаза.

Окончание фразы утонуло в шуме просыпающегося разума, хотя интуиция вопила: сказанное было жизненно важным!

Сознание тяжело всплывало из глубокого омута между сном и явью. Цин Шу нахмурился и с трудом разомкнул веки.

Сквозь светлые шторы в комнату лился утренний солнечный свет. Он нащупал под подушкой телефон: восемь тридцать... Пора вставать и идти на работу.

<http://bllate.org/book/19679/1946294>